

V $\frac{484}{1676}$

5 $\frac{484}{1676}$
243740

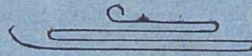
ОСТАТКИ ЯЗЫЧЕСКИХЪ ОБРЯДОВЪ И РЕЛИГИОЗНЫХЪ ВЪРОВАНІЙ

У ЧУВАШЪ.

Составлено

Архієпископомъ Никаноромъ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.

1910.

ИЗ

БИБЛИОТЕКА
ПРОТОІЕРЯ
І. І. ВОСТОРГОВА

Отдѣльн. №: _____

В. 2567

24706

11/3685
4

484
1676

ОСТАТКИ ЯЗЫЧЕСКИХЪ ОБРЯДОВЪ
И РЕЛИГИОЗНЫХЪ ВѢРОВАНІЙ

У ЧУВАШЪ.

Составлено

Архіепископомъ Никаноромъ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.

1910.

N 5569

Печатано съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства, Высоко-
преосвященнѣйшаго Никанора Архіепископа Казанскаго и
Свѣжскаго.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

2898150

2007097101

Всѣ изслѣдователи жизни чувашскаго народа единогласно говорятъ о быстромъ измѣненіи чувашскихъ вѣрованій и уничтоженіи ихъ древнихъ религіозныхъ обрядовъ. Особенно наглядно показываетъ это знатокъ чувашъ В. Сбоевъ. Посѣтивши чувашъ лѣтъ черезъ 25, послѣ своего перваго знакомства съ ними, онъ былъ пріятно изумленъ быстрою перемѣною, произшедшею въ это время въ чувашахъ. Въ своемъ сочиненіи о чувашахъ ⁽¹⁾ онъ говоритъ: „Черты, въ которыхъ преимущественно обнаруживалась дикость, варварство, грубость чувашъ, теперь или совершенно сгладились, или видимо сглаживаются. Къ прежнимъ религіознымъ вѣрованіямъ они питаютъ отвращеніе и презрѣніе и даже стыдятся говорить о нихъ. Священные рощи (керемети) всѣ повырублены, такъ что и слѣдовъ ихъ не осталось. Не то было назадъ тому лѣтъ 25 (т. е. отъ настоящаго времени лѣтъ за 40 и больше). Керемети существовали тогда въ каждомъ почти селѣ и въ нихъ открыто приносились языческія жертвы. „Чуваши хромали на обѣ плеснѣ и глезнѣ, были плохими язычниками и весьма плохими христіанами“. Но если такое быстрое превращеніе случилось съ чувашами въ 25 лѣтъ второй четверти настоящаго столѣтія, то что будетъ съ ними чрезъ новыя 25 лѣтъ, когда свѣтъ образованія, для котораго нынѣ заботливымъ начальствомъ казанскаго учебнаго округа положены прочныя основы, еще болѣе проникнетъ въ чувашскій народъ? Да, тогда по всей вѣроятности, и современныя чувашскія народныя вѣрованія сдѣлаются

---

(1) Чуваши въ бытовомъ, историческомъ и религіозномъ отношеніяхъ. Москва. 1865 года.

предметомъ археологическихъ изысканій. Сознаніе этой легкой возможности почти безслѣдно утратиться современнымъ остаткамъ языческихъ вѣрованій и религиозныхъ обрядовъ чувашъ побудило меня сдѣлать краткій очеркъ ихъ на основаніи письменныхъ сообщеній моихъ учениковъ изъ чувашъ, воспитанниковъ казанской учительской семинаріи, которые по моему предложенію писали на заданныя темы только о вѣрованіяхъ и обрядахъ извѣстныхъ для нихъ чрезъ устную передачу, или по ихъ собственному наблюденію.

Чтобы быть точнымъ я постараюсь почаще приводить слова подлинниковъ.

Прежде всего надобно замѣтить, что наши авторы, подобно другимъ, заявляютъ, что чуваша почти ничего не знаютъ о прежнихъ своихъ богахъ, особенно о высшихъ ⁽¹⁾, напр. о богахъ неба (тора), солнца (хвель), луны и другихъ божествахъ. По заявленію П., чуваша мало знаютъ даже о низшихъ богахъ, напр. о живущихъ въ лѣсахъ, водахъ, пещерахъ. О нихъ теперь почти забыли. Развѣ старики знаютъ о нихъ кое что. Теперь въ нихъ почти никто не вѣритъ, а потому и не обращаютъ на нихъ никакого вниманія. Тѣмъ не менѣе низшіе языческіе чувашскіе боги: домовые, полевые, водяные, лѣсные и друг. бытовые боги еще наводятъ смутный страхъ на чувашъ. Всѣ они считаются повелителями разныхъ мѣстъ и занятій. Поэтому чуваша умилостивляютъ своихъ языческихъ боговъ разными жертвоприношеніями, которыя совершаются дома постоянно и въ особенныя опредѣленные времена цѣлымъ обществомъ въ поляхъ, хотя иногда

---

(1) Высшіе боги чувашъ: 1) «аслă, ырă, тăн Турă—великій, добрый, истинный Богъ». 2) «ѣр-шыв тунă Турă—Богъ, сотворившій землю и воду и 3) «Тун суратакан Турă—Богъ, родящій душу. Чуваша думаютъ, что душа, какъ въ человѣкѣ, такъ и въ животныхъ одинакова. Когда Богъ рождаетъ человеческую душу, то каждому человѣку предопредѣляетъ—сколько ему слѣдуетъ жить на землѣ, что онъ долженъ испытать и какою смертію умереть. Судьба человѣка Богомъ надписывается на лбу человѣка и все, что надписано на лбу, должно быть въ точности испытано. «Самкана сьринтѣн иртме сук», говорятъ чуваша, т. е. не миновать того, что написано на лбу.

почти безъ всякаго пониманія, а единственно по укоренившейся привычѣ. Совершенство общественныхъ жертвоприношеній или вообще моленій и обрядовъ приурочивается по преимуществу къ разнымъ христіанскимъ праздникамъ.

О богахъ домовыхъ.

Чаще всѣхъ другихъ боговъ въ представленіи чувашъ рисуется а) чувашскій *домовой* (*хёрт-суртъ*, *хёртъ сёртъ*), далеко не то, что русскій *домовой*—солидный, добрый старчина, который—хозяинъ дома, знаетъ, о чемъ болѣе всего должно порадовать въ дому своемъ, напр. о скотѣ. Но чувашскому домовому до домашнихъ животныхъ нѣтъ дѣла. Онъ ухаживаетъ только за домомъ и потому его образъ болѣе женственный, хотя онъ представляется низенькимъ старикомъ, постоянно живущимъ на печкѣ. Одѣтъ онъ въ бѣлую одежду. По вечерамъ онъ слѣзаетъ съ печки и ходитъ по комнатѣ, осматривая чиста-ли и опрокинута-ли посуда; если не чиста, то онъ моетъ её и опрокидываетъ (1). Если въ домѣ есть больной, то онъ, сидя у головы больного, цѣлыя ночи проводитъ съ нимъ, подаетъ больному пить, одѣваетъ его и т. п. Не менѣе онъ ухаживаетъ и за маленькими: ночью онъ качаетъ ихъ въ зыбкѣ, днемъ же, когда маленькіе остаются одни, онъ забавляетъ ихъ разными играми. „Однажды, рассказываетъ Б., мои родители (живущіе въ буинскомъ уѣздѣ, симбир. губер.), оставивши въ избѣ однихъ маленькихъ, отправились на гумно молотить. Когда они пришли обѣдать, то около маленькихъ увидѣли какого-то старика, который вдругъ обратился въ мѣдный пятакъ и повалился въ подпечье“.

Если хозяинъ дома придетъ выпивши, то *домовой* встрѣчаетъ его. Хозяинъ, входя въ домъ, благодаритъ *домоваго*,

---

(1) Русскій *домовой* никогда не представляется такъ унижающимся. Онъ какъ наибольшій въ домѣ представляется дѣлающимъ только то, что дѣлаетъ хозяинъ въ домѣ, а не хозяйка. Вѣроятно чувашское воображеніе болѣе долго работало надъ созданіемъ *домовыхъ*, и потому такъ строго выработало представленіе о немъ, какъ специально *домовомъ* духѣ.

говоря: тав сѣе хѣрт—сурт (благодарю домовую за угощеніе). Вообще домовая за всѣми ухаживаетъ, кромѣ кошки, которую онъ такъ не любитъ, что постоянно еѣ сбрасываетъ съ печки. „Домовому нѣтъ дѣла до животныхъ. Онъ ухаживаетъ за домомъ, заботится о сѣстныхъ припасахъ, прядетъ“. К. прямо называетъ домовыхъ женщинами (хѣрт-сурт). „По мнѣнію чувашъ, говоритъ К., домовыя ночью встаютъ съ печекъ и прядутъ пряжу. Женщины чувашки совѣтуютъ дѣвущкамъ, въ особенности своимъ дочерямъ, вставать пораньше, чтобы хотя немного попрясть вмѣстѣ съ домовою. По мнѣнію ихъ, у той дѣвущки, которая имѣла счастье попрясть вмѣстѣ съ домовою, всѣ дѣла пойдутъ успѣшно, а въ особенности пряденіе. Но только нужно вставать возможно осторожно, чтобы домовая не услышала. Если она услышитъ, то перестанетъ прясть и толку никакого не будетъ, даже будетъ хуже, т. е. послѣ этого всѣ дѣла пойдутъ медленнѣе прежняго. Лечь нужно такимъ же образомъ, точь-вточь, т. е. тихонько. Домовыя, по представленію чувашъ, любятъ переселяться изъ одного дома въ другой, подобно выходу дѣвущекъ за мужъ, что случается, когда хозяинъ огорчаетъ еѣ какимъ нибудь непріятнымъ для нея поступкомъ. Домовыя также любятъ приглашенія на жительство. Когда чувашъ, не имѣвшій прежде своего дома, выстроить себѣ домъ, то идетъ къ сосѣду какъ-бы поговорить съ нимъ кой о чемъ, или посоветоваться, а между тѣмъ тихонько различными знаками приглашаетъ къ себѣ его домовую, т. е. иначе говоря, онъ старается украсть домовую. Чуваша крадутъ домовыхъ другъ у друга потому, что безъ нея никакъ нельзя жить, по ихъ мнѣнію. Они говорятъ: если въ какомъ нибудь домѣ не будетъ домовая, то въ этомъ домѣ тотчасъ же пойдутъ безпорядки“. Поэтому какъ только чувашинъ почувствуетъ, что дѣла его идутъ не своимъ порядкомъ, то сейчасъ же представляетъ, что кто-нибудь, навѣрно укралъ у него домовую, поэтому и онъ старается украсть у кого нибудь домовую. Чтобы не разгнѣвать домовыхъ своими противными для нихъ дѣлами, чувашинъ всячески старается задобрить ихъ.

Когда къ кому нибудь пріѣдетъ родственникъ и привезетъ гостинецъ, то чуваша сначала отламываютъ отъ этого гостинца часть домовую и бросаютъ на печку и потомъ уже ѣдятъ сами. У чувашъ есть еще такой обычай, что моло-

душка не смѣетъ идти въ сосѣдній домъ, по крайней мѣрѣ цѣлый годъ, если её не пригласятъ въ первый разъ, поэтому чуваши стараются пригласить молодушку въ гости поскорѣе. Вошедши въ избу сосѣда, молодушка прежде всего даетъ честь домовымъ извѣстнымъ образомъ, а потомъ уже здоровается съ семьею этого дома.

Иногда чуваши приносятъ домовою особенную жертву, которая состоитъ изъ каши, лепешекъ и юсмáновъ (тоже лепешка, но только чрезвычайно тонкая). Мѣстомъ жертвоприношенія служитъ предпечье. (К.). Для этаго жертвоприношенія собирается все семейство. Старикъ въ семействѣ кладетъ подъ мышку шапку, какъ и всегда; въ одну руку беретъ котелъ съ кашей, а въ другую чашку съ лепешкой и молится, прочіе же всѣ стоятъ на ногахъ. По окончаніи молитвы въ каждый уголь дома кидаютъ по ложкѣ каши домовому (1).—Потомъ всѣ садятся за столъ и ѣдятъ оставшуюся кашу, при чемъ стараются молчать, чтобы не осердился домовою. Такъ совершается жертвоприношеніе домовому у чувашъ симбирской губер. (В). Въ иныхъ мѣстахъ жертвоприношеніе домовому совершается нѣсколько иначе. Напр. въ казанской губерніи такъ: сначала сварятъ кашу и испекутъ лепешки, потомъ предъ шесткомъ ставятъ столъ, на столѣ поставляютъ кашу въ чашкѣ, а въ кашу по краямъ чашки втыкаютъ столько ложекъ, сколько въ семьѣ душъ; на кашу кладутъ одну лепешку. Старшій въ семьѣ (дѣдушка или бабушка) встаетъ между столомъ и шесткомъ и, взявъ въ руку чашку съ кашей и лепешкой, начинаетъ молиться домовому за все семейство, читая въ слухъ молитву; а всѣ семейные сидятъ по обимъ концамъ стола и со вниманіемъ слушаютъ молитву, читаемую старшимъ. Содержаніе молитвы состоитъ въ томъ, что испрашивается, чтобы не только не умирали члены семейства, а напротивъ, чтобы увеличилось число ихъ. По окончаніи молитвы старшій отрѣзаетъ кусокъ лепешки, на него кладетъ не много каши и кидаетъ все это на печку домовому. При этомъ надо замѣтить, что это моленіе совершается

---

(1) Изъ этого видно, что домовою живетъ не только на печкѣ, но и въ углахъ дома (В).

ночью и предъ совершеніемъ этого моленія дверь запирается, чтобы изъ постороннихъ людей не могъ никто войти въ это время въ домъ.

Кромѣ домового въ каждомъ домѣ (говорять чуваши) есть еще *домовыя лягушка и змѣя*; первая изъ нихъ живетъ въ подпольѣ, а вторая на задней части двора. Эти домовыя духи считаются самыми полезными для дома, такъ что будто-бы безъ нихъ не можетъ существовать домъ, поэтому когда переселяются въ новый домъ, то ихъ всячески просятъ, умоляютъ перейти въ новый домъ, а въ новомъ домѣ ихъ встрѣчаютъ съ кашей и лепешками. Есть еще б) *домовой злой (Вупкѣнъ или Ахъ)*, составляющій нѣкотораго рода противоположность доброму домовому. Какъ добрый домовой зоботится о прибыли всего, увеличиваетъ все въ домѣ и его пребываніе въ домѣ доставляетъ счастье дому, такъ напротивъ злой Вупкѣнъ все истребляетъ въ домѣ, поэтому его пребываніе въ домѣ считается величайшимъ горемъ. Оба домовые не могутъ жить въ одномъ домѣ, какъ непримиримые противники ⁽¹⁾. Прожорливый жадный Вупкѣнъ разоряетъ домъ. Онъ въ особенности истребляетъ съѣстные припасы, потому и имя ему Вупкѣнъ, что значитъ жадный, прожорливый; въ томъ домѣ, въ которомъ живетъ Вупкѣнъ, скоро истощаются всѣ жизненные припасы и онъ постепенно бѣднѣетъ и, въ концѣ концовъ, все приходитъ въ полный безпорядокъ и нищету.

Къ счастью Вупкѣнъ живетъ не во всѣхъ домахъ, а добрый домовой (*Хѣрт Сурт*) почти во всѣхъ, потому что Вупкѣна отовсюду выгоняють, Хѣртъ Сурта, напротивъ, усердно заываютъ. Записанъ слѣдующій рассказъ, передающійся у чувашъ.

Когда-то, въ одной деревнѣ жили два сосѣда, Василій да Иванъ; Василій былъ богатъ, а Иванъ бѣденъ. Какъ бѣдный Иванъ ни работалъ, какъ ни старался, все онъ оставался бѣденъ. У него была жена. Вотъ, Иванъ, видя что ему въ своей деревнѣ не дожидаться счастья, однажды вздумалъ съ женою убѣжать рано утромъ. Только что они вы-

---

(1) Здѣсь дуализмъ древнихъ чувашскихъ вѣрованій остался ясно замѣтнымъ.

шли изъ деревни, Иванъ вспомнилъ о топорѣ, который остался въ избѣ у двери, и пошелъ за нимъ. Пришелъ онъ на дворъ и видитъ изъ избы чрезъ окно огонь виднѣется. Иванъ удивился, потому что въ избѣ не оставалось никого. Отворилъ онъ дверь и видитъ, какъ какой-то человѣкъ зажегъ лучину, сѣлъ на стулъ и сталъ обуваться. Иванъ взявъ топоръ, спряталъ его за спину и, подойдя къ незнакомцу, спросилъ его: „ты кто, зачѣмъ здѣсь?“—Тотъ отвѣчалъ: „я твой Вупкѣанъ и хочу съ тобой убѣжать отсюда. Тогда Иванъ убилъ Вупкѣана топоромъ и, уложивши его въ гробъ, схоронилъ у опушки лѣса, и остался жить въ томъ же домѣ. Черезъ нѣсколько времени Иванъ съ женою зажили отлично,—у нихъ было все, что нужно и даже скоро разбогатѣли.

Сосѣдъ Ивана Василиій смотритъ на житіе Ивана и дивуется. Однажды Иванъ позвалъ къ себѣ Василиія въ гости. Василиій все спрашивалъ Ивана, отчего онъ сталъ богатъ. Иванъ рассказалъ все Василию и сказалъ, гдѣ онъ похоронилъ Вупкѣана. Василию было завидно, что Иванъ такъ скоро разбогатѣлъ и потому взялъ топоръ въ руки, пошелъ и вырылъ Вупкѣана изъ земли. Какъ только онъ открылъ гробъ, вдругъ Вупкѣанъ выскочилъ изъ гроба и воскликнулъ: „спасибо тебѣ мой другъ, что ты спасъ меня, теперь я пойду съ тобою!“ „Какъ! закричалъ Василиій: я тебя спасъ и меня ты долженъ слушаться, ты иди къ Ивану, а не со мной“.—„Нѣтъ, къ нему я не пойду, сказалъ Вупкѣанъ, потому что онъ меня опять убьетъ; ты меня спасъ, къ тебѣ я пойду“. Какъ Василиій не уговаривалъ Вупкѣана идти къ Ивану, онъ все-таки пошелъ за Василиемъ. И такимъ образомъ Василиій вырылъ Вупкѣана на свою бѣду, потому что чрезъ нѣсколько времени изъ богатаго онъ сдѣлался почти нищимъ, а Иванъ все богатѣлъ (1).

Вупкѣанъ называется еще Ахъ, отъ междометія, ахъ!, потому что люди того семейства, въ которомъ живетъ Вупкѣанъ все ахаютъ, да охаютъ отъ постоянныхъ несчастій.

---

(1) Этотъ поучительный рассказъ составился, очевидно, подъ влияніемъ христіанства, съ принятіемъ котораго чуваши должны похоронить своихъ прежнихъ ненавистныхъ и безсильныхъ боговъ.

Вупкѣнь явился оттого, говоритъ П. въ концѣ своего разсказа о Вупкѣнѣ, что народъ хотѣлъ уяснить въ этомъ себѣ: отчего одно семейство живетъ счастливо, а другое бѣдно, хотя члены того и другого семейства работаютъ одинаково усердно. Эта необъяснимая причина и заставила ихъ подумать, будто въ счастливомъ семействѣ живетъ добрый духъ Хѣрт Сурт, а въ несчастномъ семействѣ Вупкѣнь.

г) Къ Вупкѣну близко подходитъ богъ или духъ болѣзней — Йѣрѣхъ и Вубаръ, который давитъ ночью (1). Чувашскій домовый никогда не давитъ.

БОГИ ЖИВОТНЫХЪ.

д) Къ домовымъ духамъ или богамъ язычниковъ чувашъ можно отнести еще боговъ животныхъ (*Карта—Пусѣ или Корда—Посъ—глава животныхъ*).

Карта—Пусѣ сѣдой старикъ постоянно печется о скотѣ, чтобы ему хорошо жилось и чтобы скотъ размножался и не былъ похищаемъ звѣрями. Онъ представляется живущимъ въ хлѣвахъ, куда ему приносятъ и жертву, состоящую изъ каши и лепешекъ-юсмановъ. Кашу приносятъ не въ чашкѣ, какъ домовому, а въ котлѣ. Моленіе въ честь *Карта-Пусѣ*, какъ моленіе въ честь домового, бываетъ зимою послѣ праздника Рождества Христова и состоитъ въ томъ, что въ хлѣву всѣ семейные обращаются къ востоку и самый старшій въ семьѣ, положивъ шапку подъ лѣвую мышку, начинаетъ молиться говоря: „сана *Карта-Пусѣ* сѣнѣ пѣтѣ пѣсерсе пуссѣ-патпѣр, пирѣн вылѣхсене турлет, хнаттар, т. е. тебѣ *Карда-Посъ* (глава животныхъ) мы молимся, ты нашихъ животныхъ размножай“ (М). Иногда разводятъ въ хлѣву огонь

---

(1) Йѣрѣхъ, собственно, не богъ. По представленіямъ чувашъ онъ есть особое невидимое существо, хотя нѣсколько злое, но не могущее причинить большого вреда. Когда люди не умилоствивляютъ его, онъ схватываетъ ихъ и насбляетъ разныя болячки и чирья и только. Въ виду его такого неважнаго значенія, чуваша отдѣлываются отъ его капризовъ самымъ дешевымъ способомъ. Приносятъ ему въ жертву кисель и лепешки, а иногда просто обманываютъ его: на то мѣсто, гдѣ предполагается мѣстопребываніе его, вѣшаютъ маленькіе кузовочки, мѣшочки съ мукой, тряпочки, или оловяныя монеты и онъ этимъ вполне удовлетворяется.

и старшій въ родѣ, молясь кладеть часть каши въ огонь и бросаетъ кусочки юсмановъ; остатки же съѣдаются всею семьею съ обращеніемъ къ Корда—Пусь.

е., ж.) Между богами, покровителями животныхъ, есть еще спеціальные покровители отдѣльныхъ родовъ и видовъ животныхъ: *Пирьшты*—покровитель лошадей и *Пигамбаръ*—покровитель волковъ ⁽¹⁾.

Пирьшты, по представленію чувашъ, есть старіеъ, весь съ головы до ногъ обросшій волосами. Онъ смотритъ за лошадьми: кормитъ ихъ, ласкаетъ, гладитъ, заплетаетъ имъ гривы въ косы и проч. Чуваша говорятъ, что Пирьшты любить не всѣхъ лошадей, а только тѣхъ, которыя имѣютъ одну масть съ нимъ. Если въ конюшнѣ находятся лошади разныхъ мастей, то Пирьшты отдаеть весь кормъ лошади своей масти, отнимая его у прочихъ лошадей, которыхъ онъ бьетъ не милосердно, такъ что въ страхѣ онѣ забиваются въ колоды, подъ колоды и ясли. Пирьшты живутъ во всѣхъ конюшняхъ, такъ что нѣтъ ни одной конюшни, гдѣ-бы не было Пирьшты. Къ нѣкотораго рода охранителямъ домашняго хозяйства относится *Пигамбаръ*—покровитель волковъ. Онъ имѣеть, какъ говорятъ чуваша, образъ волка, но только больше и сильнѣе волка; у него цвѣтъ шерсти бѣлый. Пигамбаръ начальствуетъ надъ волками, наблюдаетъ, чтобы они жили между собою согласно, назначаетъ имъ, что они могутъ съѣсть каждый день. Пигамбаръ никогда не ходитъ одинъ; его всегда сопровождаютъ волки, число которыхъ не бываетъ менѣе двадцати. При своемъ начальникѣ волки никого не трогаютъ, особенно людей (II).

0 богахъ или духахъ полевыхъ, лѣсныхъ и водяныхъ.

За богами покровителями и страшилищами дома и всего находящагося въ домѣ особенно поработала фантазія чувашъ надъ богами полей и вообще всего относящагося сюда: обработки полей, хлѣбопашества.

(1) Удивительно совпаденіе названія у чувашъ бога волковъ и по магометански пророка Мухаммеда. Не выражается-ли тутъ нѣкоторое, давно сложившееся, отношеніе чувашъ къ магометанству?

а) *Богъ или духъ поля, закона*—(Ана Турри или Уй Турри). Онъ смотритъ за хлѣбомъ, во время его роста, очищаетъ его отъ негодныхъ травъ, отъ сору; напр. не допускаетъ на него животныхъ и проч. Чуваши говорятъ, что Ана Турри только въ такомъ случаѣ будетъ смотрѣть за хлѣбами, если хозяинъ хлѣбовъ будетъ посѣщать ихъ, и такимъ образомъ увидитъ труды Ана Турри и поблагодаритъ его за труды; если же хозяинъ хлѣбовъ будетъ лѣнтяй и не будетъ обращать вниманія на труды Ана Турри, то послѣдній перестанетъ смотрѣть за его хлѣбами. Моленія въ честь полевыхъ боговъ бывають очень рѣдко (черезъ 10 или 15 лѣтъ) и совершаются избраннѣйшими знахарями ворожейками, которые молятся за всѣхъ, прося у Уй Турри о дарованіи имъ хорошаго урожая во всѣ послѣдующіе годы. Бываетъ небольшое моленіе въ честь боговъ поля еще каждагодно весною, когда въ первый разъ выходятъ чуваши сѣять яровой хлѣбъ. Тогда чуваши выносятъ въ поле печенныя куриныя яйца, которыя называются: вѣрлѣх сѣмарти. (М.).

б) *Богъ или духъ лѣсовъ* (Вѣрман Амѣш—мать лѣсовъ, или просто лѣшій). „Объ лѣшемъ въ подробности я не знаю, но все таки слышалъ кое что, пишетъ Т., годовъ пять тому назадъ, крещеный чувашенинъ. По разсказу чувашъ лѣшій имѣетъ образъ человѣка, но только они представляютъ его въ видѣ великана. Разсказываютъ, будто лѣшій схвативши руками два дерева, ударяетъ ихъ одно объ другое, отчего зайцы пугаются и пересказываютъ съ одного мѣста на другое, поэтому чуваши говорятъ: нынѣ мало зайцевъ въ лѣсу; ихъ угналъ лѣшій. Они думаютъ также, будто лѣшій уводитъ иногда даже людей“.

Съ почитаніемъ боговъ или духовъ лѣсныхъ въ древности у чувашъ соединялось почитаніе особенныхъ священныхъ роць, дубравъ, старыхъ деревъ дуплистыхъ, которыя одухотворялись и обожались. Но нынѣ всѣ эти низшія боги фетишизма (керемети) уже мало внушаютъ страха чувашамъ, особенно христіанамъ, тѣмъ болѣе, что кереметей, въ видѣ роць почти не стало ⁽¹⁾, поэтому мои ученики не

---

(1) Смотр. Чуваш. Словарь Золотн. стр 259—260. Здѣсь между прочимъ говорится, что теперь вмѣсто деревъ бросаютъ жертвен. хлѣбъ

хотятъ даже вѣлючать кереметей въ число боговъ чувашскихъ, хотя-бы древнихъ.

в) „Водяныхъ боговъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, нѣтъ у чувашъ, а только чувашами олицетворяется самая вода“, пишетъ М. По вѣрованію чувашъ, если станешь пить воду въ какой нибудь чужой сторонѣ, то она можетъ причинять различныя болѣзни, преимущественно чахотку. Для того, чтобы вылечиться отъ этой болѣзни, чувашаи покупаютъ гусей или утокъ (отъ 3—4), рѣжутъ ихъ, варятъ и съѣдаютъ, а кости ихъ, крылья и ноги относятъ къ тому самому мѣсту, гдѣ захворавшій пилъ воду. Но если захворавшему не на что купить гуся, или утку, то онъ взамѣнъ этого покупаетъ калачъ и относитъ его съ однимъ яйцемъ къ тому мѣсту, гдѣ пилъ воду, отъ которой, ему кажется, онъ захворалъ, и въ другія ближайшія воды: въ колодцы, озера, рѣчки и пруды бросаетъ по нѣскольку яицъ съ мукой или съ солодомъ (М.). Что касается до олицетворенія водъ, то они представляются въ извѣстныхъ русалкахъ, которыя по чувашски называются *Вудайш*. Чувашаи Вудайш представляютъ въ образѣ молодой, красивой дѣвицы, у которой волосы всегда бываютъ длинные. Чувашаи рассказываютъ о русалкахъ, будто онѣ по временамъ выходятъ на берегъ и расчесываютъ свои волосы. Когда русалка замѣтитъ, что къ ней подходитъ какой нибудь человѣкъ, то тотчасъ же она ныряетъ въ воду. Есть еще преданіе, будто одинъ человѣкъ, Чистопольскаго уѣзда, Ново-адамской волости, деревни Старо-Савруши, замѣтивши на берегу русалку, расчесывавшую свои волосы, подошелъ къ ней, но русалка быстро нырнула въ воду и оставила на берегу расческу или гребень. Тотъ человѣкъ увидаль расческу и взялъ её. Вспомнивши про забытую расческу, русалка вышла изъ воды и стала просить её. Тотъ сказалъ ей: „если ты выйдешь за меня за мужъ, то я возвращу тебѣ твою расческу; русалка согласилась на это предложеніе и вышла за него за мужъ. Они жили вмѣстѣ долго и оставили дѣтей, которые до сего времени назы-

---

предъ (христ.) храмами (168 стр.) и что христіанскія иконы считаются Турами, которыя видятъ и слышатъ, почему чувашаи, вкушая въ постный день скоромное, поворачиваютъ иконы ликами къ стѣнѣ (152 стр.).

ваются потомками русалки. Чуваши говорятъ, что эта исторія дѣйствительная (Т.).

Объ утопленникахъ чуваши говорятъ, что они живутъ въ водѣ и могутъ посылать на человѣка разныя несчастія и бѣдствія, поэтому чуваши бросаютъ имъ въ воду хлѣбъ и сыплютъ муку, думая, что послѣ этого души утопленниковъ сдѣлаются милостивѣе и не станутъ посылать разныхъ бѣдствій (Т.).

Кромѣ указанныхъ боговъ у чувашъ было много другихъ боговъ, но о нихъ теперь почти не имѣется никакихъ опредѣленныхъ представленій. Языческія чувашскія представленія быстро сливаются съ христіанскими понятіями, которыя въ темной массѣ воспринимаются довольно оригинально, такъ что напримѣръ мирликійскій святитель и чудотворецъ Николай представляется имъ однимъ изъ боговъ (Горою) и въ этомъ родѣ есть молитвы ему (1).

Но какъ, въ какомъ видѣ христіанскія понятія вошли въ чувашскія представленія, на сколько примѣшались къ нимъ остатки языческихъ вѣрованій, это особенно легко можетъ быть наблюдаемо въ разныхъ сохранившихся доселѣ, языческихъ обрядахъ, соблюдающихся при совершеніи разныхъ моленій, которыми сопровождаются всѣ важнѣйшія моменты или случаи человѣческой жизни, во всѣ важнѣйшія времена года, черезъ различные праздники. Что касается космогоническихъ преданій, то чуваши вообще почти ничего не знаютъ о началѣ міра, о происхожденіи человѣка, а современные чуваши-язычники въ особенности не имѣютъ никакихъ представленій космогоническихъ. Тѣмъ не менѣе рожденіе считается даромъ боговъ, поэтому рожденіе и вѣнчаніе обставляются совершеніемъ многихъ, различныхъ религіозныхъ обрядностей, которыми завѣдуютъ специалисты этихъ дѣлъ, знахари и знахарки (*Томзи*), которые заговорами (2) отгоняютъ дурной глазъ, лечатъ.

---

(1) Смотр. Чувашско-Русскій Словарь Золотн. 167 стр

(2) Сравн. Словарь Золотн. стран. 177—179, 186—187, гдѣ между прочимъ записанъ заговоръ отъ глазиванія, переданный ученикомъ учительской семинаріи.

Чистонародные (языческіе) и христіанскіе праздники, особенно чувствуемые чувашами.

В. пишетъ: „Чуваши стоятъ еще на низкой степени христіанскаго развитія и не настолько еще знакомы съ христіанскою вѣрою, чтобы вникать во внутреннее значеніе ея; поэтому они знаютъ изъ христіанства только то, что бросается имъ въ глаза—это обряды. Но и обряды знаютъ только не многіе изъ нихъ, включая сюда и тѣхъ малограмотныхъ, которыхъ года два, три учили на досугѣ священники и причетники. Христіанскій праздникъ для чувашина—это что то не новое, но не понятное, установленное не извѣстно вѣмъ. Изъ словъ и проповѣдей священниковъ они знаютъ, что въ праздники нужно ходить въ церковь молиться, а работать грѣхъ, и только,—хотя имъ говорится и о священномъ событіи, въ память котораго установленъ праздникъ. Но какъ чувашу чувствовать праздникъ, когда онъ не понимаетъ его въ христіанскомъ смыслѣ? Все чествованіе заключается въ отдыхѣ отъ работъ, а на досугѣ можно и попить—вотъ чествованіе христіанскаго праздника у чуваша. Въ жаркую пору работъ дорогъ каждый часъ, нужно спѣшить,—и праздники не замѣчаются. Значитъ чествованіе праздниковъ у чувашъ обуславливается степенью досуга отъ работъ. Отсюда чувашами больше чувствуются зимніе праздники“ (П. В.).

Г. В. тоже говоритъ, что христіанскіе праздники, чувствуемые чувашами, имѣютъ самое малое значеніе, именно: они служатъ для опредѣленія времени года и указаніемъ границъ дѣловыхъ періодовъ. Но нѣкоторымъ праздникамъ чуваша придаютъ свое особенное значеніе. Изъ ряда прочихъ праздниковъ у чувашъ выступаютъ слѣдующіе праздники:

Мункунъ—Великій день.

Пасха у чувашъ между прочимъ особенно празднуется потому, что она празднуется около времени новаго года ⁽¹⁾.

---

(1) Смотр. Словарь Золотн. Новый годъ считается чувашами съ марта мѣсяца.

Къ особенностямъ празднованія Пасхи чувашами относится обычай путешествовать въ гости къ роднымъ въ сосѣднія деревни и ходить всѣмъ вмѣстѣ къ каждому родственнику по очереди. Въ первый день послѣ обѣда каждый родъ веселится отдѣльно. Къ каждому роду принадлежитъ домовъ 5, 6, 7 и больше. Сначала идутъ въ одинъ домъ, потомъ въ другой, третій и т. д. Когда кончатъ ходить къ роднымъ, то начинаютъ приглашать сосѣдей, друзей и ходить по домамъ ихъ, поэтому у чувашъ всю Пасху пьютъ что угодно, то у одного сосѣда, то у другаго (Д). По словамъ В. С. на Пасху еще варятъ пиво пожилые отдѣльно отъ молодыхъ, которые для себя собираютъ по дворамъ: солодъ, хмѣль и дрова. Приготовивши пиво, парни и дѣвушки распиваютъ его вмѣстѣ. Пожилые же люди готовятъ пиво дома и пьютъ его съ гостями. У людей богатыхъ бываетъ пиръ дня три и больше. Послѣ этого богатые люди разъѣзжаютъ сами по гостямъ въ продолженіи цѣлой недѣли и больше. Молодые люди между тѣмъ разъѣзжаютъ верхами по улицамъ, подъ предводительствомъ атамана, который, обыкновенно, ѣдетъ впереди всѣхъ и указываетъ—къ кому заѣхать на веселье (не пьянствовать, а играть, плясать, пѣсни пѣть). Атаманъ ведетъ бесѣду съ хозяиномъ дома, отворяетъ въ домъ двери; выбранные по жребію собираютъ яйца и солодъ. Во второе пасхальное воскресенье чувашаи опять дѣлаютъ тоже, что и въ первое, ѣдятъ, веселятся только съ родными. Еще на Пасху во вторникъ бываетъ поминовеніе умершихъ, при зажженныхъ свѣчахъ. Число свѣчъ бываетъ по числу умершихъ родныхъ (В). Свѣчи ставятся на лучину по порядку и лучина втыкается въ дверному косяку. Одну свѣчку прилѣпляютъ къ столбу около печки въ честь покровителя дома—Хёрт-сурт. Самый день носитъ названіе „сурта кунѣ“—свѣчной день.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ этотъ день чувашаи на перекресткахъ улицъ разводятъ костеръ изъ соломы и старыхъ лаптей и приглашаютъ покойниковъ погрѣться.

23-го апрѣля празднуется Георгій Побѣдоносецъ, который считается однимъ изъ строгихъ святыхъ, а нѣкоторые даже приписываютъ ему поражение громомъ, говоря, что человекъ, который сдѣлался жертвою грома, прогнѣвалъ Георгія Побѣдоносца (В. С.).

Праздникъ Троицы, называемый *Симён*, предваряется справленіемъ чисто народнаго праздника Семика. Семикъ начинается дни за три до Троицы. Онъ празднуется молодежью, а старые и пожилые пируютъ, т. е. пьютъ вино и пиво. Молодые люди въ Семикъ ходятъ по ночамъ въ лѣсъ, гдѣ и пируютъ: пьютъ вино и пиво, пляшутъ, вообще сильно рѣзвятся.—(В. С.).

Семикъ постоянно начинается передъ Троицей въ четвергъ и продолжается до слѣдующаго четверга. Первый четвергъ называется главнымъ Семикомъ, а второй малымъ. Въ это время почти однажды въ годъ устроятся свадьбы, такъ что въ другія времена года чуваша женятся тольео въ исключительныхъ случаяхъ, когда напр. дѣвушка выходитъ за мужъ безъ позволенія родителей, или когда парень утратитъ свою невѣсту. Игры и хороводы начинаются съ этихъ поръ и продолжаются до паровой пашни. Хороводы устраиваются не далеко отъ деревней, но въ воскресенье и пятницу (которая у чувашъ почитается больше воскресенья) устроятся игры и хороводы на границѣ между сосѣдними деревнями. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чуваша составляютъ Семикъ по русски, т. е. завиваютъ вѣнки, варятъ яичницу и бросаютъ вѣнки въ воду.

На канунѣ Троицына дня вечеромъ, или большею частью въ полночь топятъ баню; между тѣмъ, молодые дѣвицы (и часто женщины и мальчики) ходятъ въ лѣсъ за разными травами и цвѣтами; нарванные цвѣты или травы варятъ въ котлѣ. Когда баня бываетъ готова, то чуваша моются травяною водою, и пьютъ её, кажется, на томъ основаніи, чтобы отъ этого сдѣлаться новымъ человекомъ и здоровымъ (1). После бани наряжаются въ праздничную одежду и приготавливаются къ воспоминанію умершихъ. Это поминовеніе совершается такъ: у двери, на бревнѣ ставятъ столько свѣчей, сколько въ семействѣ было умершихъ. Потомъ у двери же ставятъ столъ, на которомъ находятся съѣстные припасы, приготовленные для воспоминанія умер-

---

(1) Въ томъ же убѣжденіи чуваша внушаютъ молодежи искупаться до Семика обязательно семь разъ. Обычай этотъ поддерживается довольно твердо и до сихъ поръ.

шихъ, какъ то: яйца, пироги, орѣхи, хлѣбъ, пиво и мн. друг.

На лавкѣ ставятъ пустую посуду, въ которую потомъ и кладутъ всѣ съѣстные припасы для умершихъ, по кусочку отъ каждаго блюда и отдѣльно на каждаго умершаго, при чемъ произносятся имена всѣхъ умершихъ родныхъ и знакомыхъ. Когда же посуда вся наполнится, то ее выносятъ на дворъ и выбрасываютъ изъ нея все къ воротамъ, куда конечно сейчасъ же собираются собаки (П. С.). Затѣмъ на Троицею недѣлѣ ѣздятъ съ съѣстными припасами на кладбище, чтобы тамъ помянуть умершихъ. Здѣсь воспоминаніе умершихъ совершается такъ же, какъ и дома, только не ставятъ свѣчей. Прежде всего на кладбищѣ поминаютъ умершихъ въ продолженіи послѣднихъ трехъ лѣтъ. Поминовеніе выражается причитаніями и угощеніемъ въ честь умершихъ, при чемъ крошатъ съѣдобное и бросаютъ его на могилу, льютъ пиво, вино и воду, чтобы умершіе не голодали.

Въ это время добрые священники догадываются ходить на кладбище для совершенія панихидъ (В). Въ то же время сосватанныя дѣвицы приходятъ туда поминать своихъ родныхъ и приносятъ подарки умершимъ: мужикамъ рубахи, а женщинамъ полотенца, которыя онѣ вывѣшиваютъ на палки и просятъ умершихъ, чтобы они не требовали другихъ подарковъ. Послѣ всѣ эти вещи берутся и возвращаются домой. Рѣдко бываетъ, чтобы въ чувашской семьѣ въ это время не было невѣсты, потому что сущность этого праздника состоитъ въ томъ, что онъ служитъ опредѣленіемъ времени свадьбы (Н. С.).

Вскорѣ за Семикомъ справляется другой чисто чувашскій—народный праздникъ *Синсе или Уйав*. Онъ празднуется около іюня—тогда, когда начинается озимое, и продолжается до сѣнокоса. Но такъ какъ это время, по продолжительности своей, бываетъ весьма различно, то и празднованіе Синсе бываетъ отъ 5 дней до 4-хъ недѣль.—Въ этотъ праздникъ запрещаютъ рыть землю, мыть красную и вообще разноцвѣтную одежду, а только можно мыть бѣлую—и притомъ сдѣланную изъ грубаго, толстаго холста; потомъ нельзя мыть шерстяное бѣлье, нельзя бѣлить печку, чистить сажу, нельзя косить траву, а пахать

можно, потому что это необходимо (Ж), нельзя ткать, лавить на крышу, вообще на верхъ и т. п. Женщинамъ позволяется шить только бѣлье, мальчикамъ запрещается рвать все зеленое; во все продолженіе Синси нельзя разводить огня, всегда нужно ходить въ бѣлыхъ рубашкахъ; садить овощи можно, если уже были приготовлены гряды; строить дома нельзя. Если кто нарушитъ эти обряды, то должностныя лица обливаютъ водою нарушителя, иногда вся деревня нападаетъ на него. Если будетъ сильный градъ, или гроза, или какое нибудь другое несчастіе, то прямо говорятъ на нарушителя обрядовъ, дескать изъ за него Богъ наказываетъ насъ. (Д). Иногда расправляются съ нарушителемъ Синси очень жестоко. В. С. рассказываетъ: „однажды мой родитель (изъ ядринскаго уѣзда), будучи человѣкомъ грамотнымъ, не почтилъ этого праздника и сталъ возить навозъ въ поле. Но онъ поплатился за то очень дорого, его избili очень сильно, а сосѣда его, тоже нарушившаго Синсе, такъ избili, что онъ, похворавши года два, умеръ.

Во время Синсе нѣкоторые постятся, а иные гуляютъ въ кабакахъ и на свадьбахъ, которыя справляются около Троицы и продолжаются отъ этого времени. Пированіемъ на свадьбахъ Синсе дѣлается похожимъ на праздникъ, но это собственно постъ (В. С.), и приходится онъ ко времени петровскаго поста, который у чувашъ не соблюдается, какъ вообще всѣ христіанскіе посты (В. П.). Во время Синсе молодежь—парни съ дѣвцами водятъ хороводы. Болѣе торжественно проводятся во время Синсе пятница и воскресенье, когда составляются хороводы и до обѣда (а въ остальные дни только вечеромъ), и продолжаются эти игры до зари. При окончаніи Синсе бываетъ общее моленіе съ жертвоприношеніями. Тогда молятся, чтобы Богъ уродилъ побольше хлѣба и далъ бы здоровья убрать его. Эта жертва по чувашски называется тѹк = (жертва). За околицей, при рѣкѣ, между двухъ деревень, у приготовленныхъ за ранѣе трехъ столбовъ съ перекладинами, послѣ обѣда, собираются чувашши, принося съ собою куръ, гусей и пригоняя овецъ, телятъ, коровъ, или даже быковъ. Предъ закалываніемъ животныхъ, ихъ обливаютъ водою и при этомъ каждый молится о томъ, что ему нужно. Потомъ выбираются особенно знающіе чувашскіе молитвы, которые и молятся

за всѣхъ. Если животное отряхаетъ съ себя воду, то его заколаютъ. По мнѣнію чувашъ, если животное отряхается, то значитъ Богъ услышалъ ихъ молитву и Ему угодна жертва (Ж); когда животное не отряхается, то его снова обливаютъ холодною водою, просятъ Бога принять жертву и молятся до тѣхъ поръ, пока оно станетъ стряхивать съ себя воду. Такъ поступаютъ со всѣми животными, приготовленными для жертвоприношенія; послѣ чего рѣжутъ ихъ всѣхъ. (Н. С).

Въ селѣ Чебоксаркѣ; говоритъ Ж., есть крещенные и некрещенные чуваша (первыхъ больше), но въ праздникъ Синсе они всѣ собираются на чукъ и молятся всѣ вмѣстѣ.

При всеобщемъ моленіи чуваша, снявши шапки, кланяются, встаютъ на колѣни и обратившись лицомъ къ востоку, молятся шепотомъ, и, поклонившись въ землю, начинаютъ ѣсть жертвенное мясо. Дѣвицы и молодые парни, не участвующіе съ большими въ жертвоприношеніи, собираются въ оврагъ, куда приносятъ крупу, масло и яйца и послѣ моленія, приготовивши все это, съѣдаютъ здѣсь. Чукъ съ принесеніемъ большихъ жертвъ, напримѣръ быка, лошади бываетъ не каждый годъ, а когда потребуетъ Богъ, года черезъ три,—четыре. Чукъ заканчивается болѣе татарскимъ, чѣмъ чувашскимъ, праздникомъ *Сабанъ*. Во время праздника *Сабанъ Туиё* молодые парни перегоняются на лошадяхъ и пѣшкомъ. Кто перегонитъ другихъ, тотъ получаетъ полотенце, вытканное молодухами, выданными первый годъ замужъ. Въ послѣдній день Синсе или Уява, варятъ кашицу на рѣкѣ. (Ж).

20-е іюля—день посвященный св. пророку Илиѣ, чуваша празднуютъ неопустительно. Они пророка Илию называютъ великимъ и говорятъ, что онъ въ наказаніе за нарушение его праздника не посылаетъ дождей во время и побиваетъ хлѣба градомъ. Однимъ словомъ: чуваша представляютъ св. Илию пророка очень грознымъ и гнѣвнымъ (Г. В.).

Праздникъ Преображенія Господня празднуется чувашами тѣмъ, что нѣкоторые изъ нихъ не ѣдятъ до этого дня яблоковъ, боясь, какъ бы Спасъ не убилъ громомъ (В).

1-го сентября чуваша празднуютъ св. Симеону столпнику, за днемъ котораго, по мнѣнію чувашъ, непременно

долженъ слѣдовать конецъ теплаго времени и начало холоднаго. Св. Симеонъ считается покровителемъ полевыхъ работъ (1).

Вскорѣ послѣ дня Симеона бываетъ у чувашъ чистонародный праздникъ *Чуклеме* (жертвоприношеніе). *Чуклеме* состоитъ въ томъ, что изъ новаго хлѣба приносятъ Богу благодарственную жертву. Тогда чуваша варятъ пиво, кашу и другія кушанья. Приготовивши все, приглашаютъ родныхъ. Когда приглашенные соберутся, старики умываютъ руки и двое изъ нихъ берутъ котель съ кашею, въ которую бываютъ положены три ложки для отвѣдыванія; одинъ беретъ въ жбанѣ (торясь) пиво съ тремя ковшами, а другой старикъ беретъ въ чашеѣ хлѣбъ съ ножемъ, потомъ выходятъ въ сѣни, гдѣ всегда становятся задомъ къ избѣ. Тамъ старики благодарятъ Бога за его дары, потомъ каждый отвѣдываетъ кашу и хлѣбъ и просятъ Бога и впередъ не оставлять ихъ безъ своей помощи. Послѣ этого старики входятъ въ избу, и начинаютъ ѣсть и пить. Спустя нѣсколько времени, они въ торясѣ ставятъ на столъ пиво, отворяютъ двери, берутъ въ ковши пиво, потомъ всѣ встаютъ, обращаются лицомъ къ дверямъ и опять воздаютъ благодарность Богу и просятъ не оставить ихъ и впередъ. Старики выпиваютъ пиво, которое они держали въ рукахъ, а за ними пьютъ и всѣ присутствующіе. Каждый, выпивая пиво, повторяетъ молитву стариковъ. Этотъ обрядъ угощенія пивомъ называется ташлама (С) (2).

(1) Въ честь, Симеона есть даже стихи.

Хура Семень кѣмѣлне
Уйри тыр-пул хумханат;
Уйри тыр-пул кѣмѣлне
Хура вѣрман хумханат;
Хура вѣрман кѣмѣлне

Хура Семень хумханат», — См. Замѣтки о чуваш. нарѣчіи
Золотн. 47 стр.

(2) Въ Свіяжскомъ уѣздѣ Чуклеме совершается нѣсколько иначе. Девять человѣкъ садятся вокругъ стола. Домохозяинъ съ караваемъ хлѣба въ рукахъ стоитъ предъ столомъ. На хлѣбъ сырецъ и соль. На столъ приносится ведро съ пивомъ. Хозяинъ наливаетъ 9 ковшовъ пива и вручаетъ каждому изъ сидящихъ за столомъ по ковшу: одному въ честь великаго Бога, другому въ честь Бога—творца земли и воды, третьему въ честь

1
Вскорѣ послѣ Чуклеме, около 25 сентября, бываетъ новый народный чувашскій праздникъ *Кёр-сърн*, который справляется послѣ уборки хлѣба въ полѣ. Тогда въ каждомъ домѣ варятъ пиво, для поминовенія умершихъ. Это поминовеніе постоянно совершается въ четвергъ и совершается почти такъ же, какъ и въ Семикъ, только не ѣздятъ на кладбище (П. С.). Обрядъ этого поминовенія состоитъ въ томъ, что пекутъ блины, рѣжутъ пѣтуха, варятъ кашу, готовятъ пиво и т. под. Когда все бываетъ приготовлено, старшіе садятся возлѣ двери, куда имъ подають всѣ приготовленные кушанья. Старшій въ семьѣ ставитъ свѣчу Богу; и затѣмъ во имя каждаго умершаго ставятъ по одной свѣчѣ къ стѣнѣ⁽¹⁾. Подъ свѣчами на лавку ставятъ кушанья и затѣмъ каждый изъ семьи, одинъ за другимъ отдѣляетъ отъ каждаго кушанья по кусочку и кладетъ въ пустую посуду, поминая каждаго умершаго отдѣльно. Когда кончится это поминовеніе умершихъ, всѣ присутствующіе ѣдятъ и пьютъ сами. Свѣчамъ не даютъ догорать, ихъ тушатъ, закатываютъ въ хлѣбъ и бросаютъ въ посуду, которую выносятъ на дворъ, гдѣ она оставляется до утра. Недавно умершихъ поминають еще нѣкоторыми другими обрядами (С). Времени этого праздника чуваша никогда не забываютъ, какъ и вообще всѣхъ своихъ языческихъ праздниковъ, потому что они знаютъ, чересъ сколько недѣль или дней празднуется одинъ праздникъ за другимъ; времени же празднованія христіанскихъ праздниковъ чуваша не знаютъ,

---

Бога, родящаго душу и т. д. въ честь девяти боговъ. По полученіи пиво всѣ встають, обращаются лицомъ къ иконѣ и одинъ, обыкновенно старикъ знающій чинъ обряда, читаетъ молитву, въ которой проситъ боговъ, чтобы они и на будущее лѣто уродили хорошій урожай, даровали здравіе семьѣ, сохранили въ цѣлости и умножили скотину и прочее добро. По окончаніи молитвы пиво выпивается и ковши ставятся на столъ. Хозяинъ вновь ихъ наливаетъ и вручаетъ тѣмъ же девяти лицамъ. Опять встають и молятся. Таеъ повторяется девять разъ. При каждомъ вставаніи названіе ковшовъ мѣняется. Послѣ девятаго вставанія хлѣбъ и сыръ разрѣзаются на части и съѣдаются всѣми присутствующими. Далѣе открывается обыкновенный пиръ, гдѣ принимаютъ участіе молодежь и женскій полъ, которые во время молитвы были только зрителями.

(¹) Если на поминкахъ въ Семикъ зажигались свѣчи въ честь умершихъ, то въ этотъ день свѣчи уже не зажигаются.

даже дванадесятыхъ, за исключеніемъ Рождества Христова и Крещенія (Д).

Память св. Николая чудотворца празднуется чувашами такъ же, какъ день св. Георгія Побѣдоносца, потому что св. Николай считается ими самымъ милостивымъ святымъ и въ то же время самымъ строгимъ (В. С.).

Святки у чувашъ особенно весело проводятся молодыми людьми. Впрочемъ и пожилые пьютъ на святки по праздничному. Молодыми людьми (до 25 л. возр.) особенно весело празднуется первый и второй день святокъ, когда они всѣ (за исключеніемъ нецѣломудренныхъ) собираются вмѣстѣ и, образовавши нѣсколько группъ, ходятъ со двора на дворъ, повторяя одно и то же: „сурѣх ури, пѣр така, пѣр путей“. Это значить: „пришли святки, наступаетъ новый годъ, желаемъ хозяину, чтобы у него въ новомъ году родилось двое дѣтей: сынъ да дочь“. Хозяинъ дома угощаетъ пришедшихъ къ нему пивомъ и орѣхами, или горохомъ. Но если хозяинъ не даетъ орѣховъ, то его угощеніе не ставится ни во что (В. С.).

Праздникъ Крещенія у чувашъ болѣе празднуется на бануѣ, въ сочельникъ. За день до Крещенія всѣ молодые дѣвицы собираются въ одинъ какойнибудь домъ и здѣсь варятъ пиво и потомъ пьютъ его во всю ночь, напоивши прежде родителей. Здѣсь иногда бываетъ и музыкантъ какойнибудь. Ночь проходитъ не въ одномъ пированіи, а еще въ гаданіяхъ. Въ полночь, когда всѣ жители деревни уснутъ, нѣсколько человекъ уходятъ въ поле, гдѣ всѣ ложатся и слушаютъ, что послышится каждому изъ нихъ. Если кто услышитъ стукъ, то говорятъ, что онъ недолго проживетъ, — умретъ; если же кто услышитъ голосъ какогонибудь домашняго животнаго (напр. овцы), то онъ, говорятъ, будетъ богатъ этими животными; если же кто услышитъ звукъ колокольчика, или звукъ пузыря (музыкальнаго), то значить женится (парень), или выйдетъ замужъ (дѣвица). Много бываетъ въ эту ночь и другихъ гаданій.

Масляница празднуется чувашами болѣе, чѣмъ Пасха. Всѣ чуваша ожидаютъ этотъ праздникъ съ нетерпѣніемъ, особенно молодые. Вотъ подошелъ этотъ праздникъ. Всѣ мальчики въ первый день масляницы стараются встать какъ можно раньше, чтобы кататься съ горы на салазкахъ.

ть мальчикъ, который выйдетъ на гору поздно, подвергается ѣдкимъ насмѣшкамъ товарищей: всѣ мальчики окружаютъ его и кричатъ ему подь самые уши, что есть мочи. Потомъ стараются встать пораньше еще потому, что есть такого рода суевѣріе, — чей сынъ, или чья дочь выйдетъ на гору пораньше и покатится раза два, три, то у того вырастутъ хорошіе, ~~высокіе~~ конопли, въ этотъ годъ. Поэтому мальчики и дѣвочки катаются на масляницѣ всю недѣлю, каждый разъ съ ранняго утра, а въ послѣдніе дни по ночамъ. Пожилые, въ послѣдніе дни масляницы, усиливаютъ запиваніе блиновъ и пьютъ даже въ первый день Великаго поста (П. С.). Масличныя катанья на скамьяхъ, по вѣрованію чувашъ, имѣютъ вѣщее значеніе, особенно катанье до восхода солнца.

Если скамья подь молодцемъ не упадетъ, то говорятъ, что онъ будетъ живъ до слѣдующей масляницы, въ противномъ случаѣ не доживетъ. Дѣвицы катаются на донцахъ. Если какая дѣвица прокатится на донцѣ далеко, не запинаясь, то, говорятъ, у ней родится высокій лень и она проживетъ долго. Перваго пришедшаго въ этотъ день во всякомъ домѣ сажаютъ на почетное мѣсто, на подушку. Если первымъ пришедшимъ будетъ мальчикъ, то его просятъ сидѣть какъ можно смирнѣе, въ противномъ случаѣ, говорятъ, куры не будутъ спокойно высиживать цыплятъ (Н. С.). Воскресенье передъ масляницею называется большею масляницею, а 2-е воскресенье — малою масляницею.

Праздникъ Благовѣщенія у чувашъ называется „Сюна пѣрахас бун“, что означаетъ то, что съ этого дня непременно должно оставить ѣзду на саняхъ (В. В.) (1).

Въ *Вербное Воскресеніе* чувашаи считаютъ неперемѣннымъ долгомъ сходить въ церковь, чтобы взять тамъ освященную вербу. По вѣрованію чувашъ, если этою вербою выгнать въ первый разъ скотъ въ поле, то будто бы во все лѣто не пропадетъ ни одна скотина и притомъ всѣ они будутъ жирны. Но если кто никогда не бралъ въ домъ вербы,

---

(1) По вѣрованію чувашъ въ тотъ день, въ какой приходитъ въ году праздникъ Благовѣщенія, нельзя начинать никакой работы, ибо она не будетъ спориться.

то лучше и не брать ее, потому что, въ такомъ случаѣ, она вредно дѣйствуетъ на скотъ (Г. В.).

Вотъ цѣлый кругъ чувашскихъ праздниковъ во всей ихъ смѣси и со всѣми ихъ важнѣйшими обрядами, ясно показывающими двоевѣріе чувашъ, ихъ переходное религіозное состояніе. Они и благоговѣютъ предъ вербою и боятся ее; молятся и истинному Богу и домашнимъ духамъ, ставятъ свѣчи и къ иконамъ и на стѣнахъ въ честь предковъ и т. д. Въ одномъ отношеніи чувашъ къ вербѣ освященной сказывается и остатокъ фетишизма, внушавшаго ко всему страхъ и просвѣтъ новыхъ христ. отрядныхъ воззрѣній. Тоже раздвоеніе видно и въ совершеніи всѣхъ праздниковъ: древнихъ-языческихъ и новыхъ-христіанскихъ. Это не желаніе отстать отъ прежняго, даже сравнительно новаго, и въ то же время подчиненіе христіанскому уставу особенно наглядно выражается у чувашъ въ празднованіи ими двухъ дней, въ каждой недѣлѣ: воскресенья и пятницы. *Пятница* празднуется чувашами предпочтительно предъ воскресеньемъ. Это показываетъ, что чуваша больше проникнуты стариною, чѣмъ христіанствомъ, какъ то же показываетъ и большее усердіе ихъ въ празднованіи своихъ чистонародныхъ празднествъ. Пятница празднуется чувашами постоянно, но зимою и весною не столь полно и строго. Тогда только наванунѣ моются въ банѣ, надѣваютъ чистое бѣлье и наряжаются по праздничному. Лѣтомъ же празднуютъ пятницу чрезвычайно строго. Лѣтомъ въ пятницу не дѣлаютъ ничего весь день, не разводятъ даже огня, пищу для этого дня заготавливаютъ накануне⁽¹⁾.

Несравненно больше, чѣмъ въ праздникахъ и въ представленіяхъ о богахъ, остатки язычества у чувашъ могутъ быть наблюдаемы въ обстоятельствахъ ихъ частной, семейной жизни, въ которую христіанскимъ просвѣтителямъ чрезвычайно труденъ вліятельный доступъ, напр. въ воспитаніи дѣтей, въ отношеніи родителей къ дѣтямъ, а особенно въ важнѣйшихъ обстоятельствахъ семейной жизни, когда рели-

---

(¹) Это строгое субботаство въ пятницу можетъ объясняться вліяніемъ на чувашъ магометанства, но можетъ быть оно кроется и въ глубокой старинѣ. Можетъ быть здѣсь сказывается вліяніе древнихъ волжскихъ жителей хозаръ — жидовствовавшихъ.

гіозныя пособія особливо необходимы, напр: при рожденіи дѣтей, при свадьбахъ, болѣзняхъ, при похоронахъ. Наконецъ, чувашскія представленія о загробной жизни также представляютъ много оригинальнаго и чрезвычайно интереснаго. Христіанство, какъ религія духа, очень высоко для всѣхъ народовъ, стоящихъ на низкой ступени умственно-нравственнаго развитія, но эсхатологическое христіанское ученіе особенно высоко сравнительно съ грубо-чувственными представленіями чувашей о загробной будущей жизни. Поэтому языческія представленія чувашей о загробной жизни особенно сильно отражаются на всей жизни чувашей, и такъ или иначе онѣ накладываютъ необходимую печать на все религіозное міровоззрѣніе чувашей,—людей въ большинствѣ очень религіозныхъ.

Рожденіе младенца, женитьба—дѣла чисто семейныя, поэтому очень не легко узнать, какими религіозными обрядами сопровождаются у чувашъ эти два важнѣйшія событія жизни. Но благодаря наблюдательности О. А. и Я. Г. можно сообщить кое что о ролигіозныхъ обрядахъ, совершающихся и при этихъ довольно сокровенныхъ событіяхъ.

Тотчасъ же *послѣ рожденія*, или даже, во время самаго рожденія, бываютъ у чувашъ надъ ребенкомъ *различныя заклинанія* (пишетъ Я. Г.). Бабушка, держа новорожденнаго на рукахъ предъ огнемъ, бросаетъ въ огонь соль, которая отъ дѣйствія огня разсыпается съ трескомъ; потомъ бабушка произноситъ заклинательныя слова надъ злыми духами, кереметями, чтобы они удалились, такъ какъ теперь не ихъ время, говоритъ бабушка, и плюетъ на огонь въ сторону, а ребенка кропитъ вѣнникомъ, приговаривая: „вотъ пришли черезъ горы и моря синеглазые смотрѣть на новорожденнаго, но удалитесь отсюда, здѣсь не ваше мѣсто, а то сглазите ребенка“. „Вотъ пришли изъ за моря великаны, быстроногіе и долгорукіе (люди), но ребенокъ безсиленъ, слабъ, не можетъ съ вами бороться, поэтому скорѣе удалитесь“! „Вотъ пріѣхали изъ Питера и Москвы бояре, пришли черезъ Волгу безобразныя старушки, колдуньи, чародѣйки; но удалитесь скорѣе и безъ васъ дѣло сдѣлаемъ“. Послѣ этого бабушка, плюнувши на ребенка, чтобы его не сглазили, говоритъ: „синіе глаза, каріе глаза, большіе гла-

за и малые глаза“. Затѣмъ плюетъ въ глаза его и поднимая говорить: „Будь большаго роста и малаго роста! будь сердитъ, храбръ, быстрый!“ и пр. Потомъ бабушка обращается къ нечистымъ духамъ или кереметямъ и говоритъ: „вы теперь не троньте новорожденнаго и его больной матери, а подите въ другое мѣсто, гдѣ васъ не ждутъ!“ Затѣмъ обращаясь къ умершимъ, она произноситъ: „вы еще очень рано пришли за новорожденнымъ ребенкомъ, чтобы взять его къ себѣ, а дайте ему возможность жить, какъ вы нѣкогда жили и веселились, не хватайте его за животъ (чтобы у него животъ не болѣлъ) и за голову (чтобы у него голова не болѣла) и за другіе члены, оставьте его въ покоѣ, не отнимайте у него жизни, а ступайте къ старымъ, хворымъ людямъ, которымъ уже время къ вамъ перейти, а у насъ ребенокъ здоровъ“. Въ это время мать, или какая нибудь старуха, поминая каждаго умершаго по имени, вливаетъ въ нарочно сдѣланную чашку нѣсколько капель вина, или пива, приговаривая: „вотъ тебѣ пиво и вино ты не тронь нашего ребенка“. Послѣ этого бываетъ моленіе надъ кашей домашнимъ богамъ, чтобы они не вредили всему вообще дому.

Послѣ совершенія надъ младенцемъ *крещенія*, бываетъ еще нѣкоторое новое моленіе. Сначала готовятъ различныя жертвоприношенія. Варятъ достаточно пива, пекутъ маленькія лепешки (юсманы) и затѣмъ, сваривъ кашу, зажигаютъ предъ иконами свѣчи; послѣ этого начинается моленіе. Во всѣхъ моленіяхъ чуваша вообще стоятъ къ востоку. Въ этомъ моленіи они просятъ, чтобы Богъ сохранилъ младенца и далъ бы ему возможность жить благополучно, чтобы далъ ему здоровье и добрую нравственность, чтобы онъ былъ полезнымъ для родителей и т. п. ¹⁾.

Воспитаніе дѣтей у чувашъ, какъ у людей мало озаренныхъ свѣтомъ евангельскаго ученія, главнымъ образомъ ведется сообразно съ ихъ вѣрованіями, т. е. въ языческо-религіозномъ духѣ и нравственности. Дѣти воспитываются, большею частію, очень жестоко. Родители требуютъ отъ нихъ

---

(1) Хозяинъ дома, вставши съ ковшомъ къ двери и, испросивъ у Бога помощь на женитьбу сына или брата, льетъ въ жертву предкамъ нѣсколько капель пива на порогъ, около петель, на которыхъ виситъ дверь.

самаго безпрекословнаго повиновенія, и въ случаѣ послушанія бьютъ ихъ жестоко, безъ всякаго сожалѣнія и безъ разбору, бьютъ—куда попало; поэтому очень часто дѣти чувашь растутъ слабо, бываютъ безтолковы, но терпѣливы.

Христіански-религіознаго не сообщается родителями дѣтямъ почти ничего, такъ что иногда взрослые дѣти (лѣтъ семи) едва умѣютъ перекреститься.

При женитбѣ у чувашь бываетъ очень много разныхъ религіозныхъ обычаевъ. Сначала ставятъ на столъ нѣсколько ведеръ пива, которое глава семейства разливаетъ въ ковши; предъ иконами зажигаютъ свѣчки и затѣмъ старики, держа въ рукахъ ковши съ пивомъ, молятся Богу. Каждый высказываетъ въ молитвѣ то, что найдетъ нужнымъ сказать. Большею частію въ этомъ моленіи просятъ Бога, чтобы онъ далъ возможность совершить свадьбу благополучно; при этомъ поминаютъ умершихъ, чтобы они не сдѣлали какого нибудь вреда ⁽¹⁾.

Послѣ окончанія моленія каждый, держацій въ рукѣ ковшъ, выпиваетъ три ковша. Женихъ, положивши три земныхъ поклона и поцѣловавшись съ родителями, садится за столъ, послѣ чего начинаются пѣсни и пляски. Черезъ нѣсколько времени вся молодежь деревни отправляется за невѣстою. По приѣздѣ къ невѣстѣ жениха, опять совершается моленіе такое же, какое было въ домѣ жениха. Родители невѣсты просятъ, чтобы Богъ былъ покровителемъ ея во всѣхъ несчастіяхъ и помощникомъ во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ; чтобы онъ, благословивши союзъ между нею и женихомъ, далъ имъ хорошую семейную жизнь, чтобъ даро-

---

(2) Въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ не живутъ дѣти, младенцу послѣ крещенія даютъ новое имя. Для этого повивальная бабка или знахарка младенца кладетъ въ рѣшето и относитъ къ заднему углу, гдѣ обыкновенно бываетъ буча сору. Пока младенецъ лежитъ, она произноситъ заклинанія. Потомъ беретъ младенца въ рѣшетѣ же и относитъ матери, говоря, что въ кучѣ сора она нашла младенца и вотъ принесла тебѣ, потому что у тебя не живутъ свои дѣти. Съ этихъ поръ младенцу имя «Сунци», что значить—найденный въ сору. Иногда даютъ имена по названіямъ деревьевъ, напр. дубъ, липа и т. п.

валъ имъ дѣтей, которыя, выросши были бы имъ помощниками; чтобы Онъ даровалъ имъ богатство и чтобы они были главами деревни и т. п. Тоже самое повторяется и послѣ вѣнчанія. (Я. Г.). Вѣнчаніе въ церкви совершается, смотря по обстоятельствамъ, иногда до заключенія брака, а иногда и послѣ, уже безъ всякаго пира. Если церковь находится на пути отъ невѣсты къ деревнѣ жениха, то по пути заѣзжаютъ въ церковь для вѣнчанія. Послѣ вѣнчанія или вѣрнѣе отъ невѣсты свадебный поѣздъ заѣзжаетъ къ родственнику жениха, который угощаетъ ихъ и потомъ присоединяется къ ихъ поѣзду. При вѣздѣ новобрачныхъ во дворъ жениха дружка, встающій на видное мѣсто съ мукою въ берестовой чашечкѣ, обсыпаетъ троекратно всѣхъ пріѣхавшихъ во дворъ, начиная съ новобрачныхъ и оканчивая лошадьми, показывая этимъ, что у новобрачныхъ изобиліе хлѣба должно изливаться на всѣхъ. Потомъ невѣста становится на телѣгу и происходитъ обрядъ врученія ей власти надъ всѣми животными, принадлежащими жениху. Для этого выводится наилучшая лошадь и женихъ вручаетъ поводъ ея невѣстѣ троекратно, причемъ тотъ и другая держатъ поводъ въ полахъ верхней одежды. Затѣмъ невѣста уносится въ домъ жениха, чѣмъ показывается, что она въ этомъ домѣ не чужая, пришедшая откуда нибудь, а своя, потому что не видно никакого слѣда того, что она пришла въ домъ, а есть только слѣдъ ея выхода изъ дома. Въ избѣ моленіе сначала обычное, именно: хозяинъ дома, держа въ рукѣ чашку съ пивомъ, испрашиваетъ у Бога благословеніе на добрую жизнь въ ихъ семьѣ новобрачной, въ заключеніе льетъ въ уголъ порога не много пива предкамъ. Потомъ начинаютъ пить пиво всѣ, причемъ болѣе важные гости сразу пьютъ по три ковша, а менѣе важные только по одному. Молодая все это время сидитъ около одного угла, ей позволяется поплакать только троекратно съ опредѣленными причитаніями. Затѣмъ отцемъ жениха разрѣзывается хлѣбъ на мелкіе кусочки, которые полагаются возлѣ чашки съ медомъ. Отецъ молится надъ всѣмъ этимъ, прося у Бога, чтобы жизнь новобрачныхъ была столь же пріятна, какъ пріятно вкушеніе меда. Затѣмъ изъ хлѣба съ медомъ дѣлаются катушки, которые бросаются на домашній очагъ съ приговариваніемъ: „пусть новая хозяйка имѣетъ такое же важное значеніе, какъ печка“. Бро-

Мама
Зеленая
и
тамъ
и
и

сая хлѣбъ съ медомъ въ другой—передній уголь, хозяинъ говоритъ: „пусть новобрачная будетъ имѣть зятя въ этомъ углу“, наконецъ, бросая въ уголь ближайшій къ двери, хозяинъ приговариваетъ: „дай Богъ, чтобы здѣсь всѣ голодные были насыщаемы, а всѣ холодные обогрѣваемы“. Потомъ начинаютъ всѣ ѣсть хлѣбъ съ медомъ, высказывая новобрачнымъ пожеланія счастливой жизни. Послѣ этого идетъ пиръ, обыкновенно небольшой, такъ какъ главный брачный пиръ бываетъ у родственника, къ которому прѣзжаютъ непосредственно изъ дома невѣсты. Между тѣмъ какъ идетъ въ избѣ веселье, около печки идетъ приготовленіе и потомъ вареніе салмы молочной (т. е. голушекъ). Когда бываетъ готова салма, отецъ наливаетъ ее и молится по обычаю предъ порогомъ и потомъ съѣдаетъ три ложки освященной салмы и затѣмъ три раза плещетъ ею на новобрачныхъ, стоящихъ въ это время подъ кошмою. Послѣ отца жениха подходятъ къ чашкѣ съ салмою всѣ гости, такъ же съѣдаютъ по три ложки и трижды плещутъ на молодыхъ. Лица всѣхъ бываютъ въ это время довольно серьезны. Наконецъ является молодой братъ, или родственникъ жениха, схватываетъ три голушки на три конца очень большой деревянной вилки, сдѣланной изъ ствола, путившаго три вѣтви, и начинаетъ пляску. Среди пляски онъ подскакиваетъ къ молодой и говоритъ ей, показывая голушки на вилкѣ: „на, ѣшь, если желаешь, а то я самъ съѣмъ“; затѣмъ схватываетъ подарокъ новобрачной—полотенце, обвертываетъ имъ вилку, и вилку эту вмѣстѣ съ голушками прячетъ въ муку, или зерновой хлѣбъ, испытывая догадливость молодой хозяйки, такъ какъ ея долгъ—найти эту вилку. Та молодая, которая не можетъ отыскать эту вилку, обязана бываетъ выкупить ее. Деверья бываютъ не неумолимы, подкупаются не задорого, копѣекъ за 10—20. Затѣмъ новобрачныхъ открываютъ и пиръ возобновляется. Оставшись на единѣ, молодой показываетъ свою власть надъ женою, заставляя ее снимать съ себя обувь, въ которую кладутъ по серебряной монетѣ. На другой день бываетъ первое стряпаніе молодой въ новой семьѣ. Этотъ обрядъ называется обрядомъ новой воды. Всѣ кушанья готовятся съ водою, принесенною молодою. Къ рѣкѣ за водой ведетъ ее сестра ея мужа, которая и почерпаетъ ей воду, предоставляя самой нести, какъ бы передавая ей свою прежнюю обязанность. Но мо-

молодая трижды проливает воду и почерпаетъ сама; неся воду, она на пути присядаетъ (дѣлая нѣчто подобное книксену), отдавая честь дорогѣ и потомъ также кланяется входу во дворъ. Когда молодая приготовить кушанья, то отецъ семьи совершаетъ моленіе; обращаясь къ двери, онъ говоритъ, что прежде они были сыты и довольны пищею, готовившеюся прежнею хозяйкою, пусть Господь дастъ теперь такъ же искусно готовить и новой хозяйкѣ. Принимаясь за кушанья, хозяинъ дома хвалитъ вкусъ ихъ, его примѣру слѣдуютъ всѣ вкушающіе, хотя иногда молодая на первый разъ приготовляетъ все очень не вкусно.

Болѣзни головы, спины, желудка, ногъ и т. п. чуваша приписываютъ дурному, или злему дѣйствию умершихъ. Они говорятъ, что за больныя мѣста хваталъ такой-то, или такой-то умершій изъ родственниковъ. Отъ этого воззрѣнія происходитъ то, что чуваша лечатся большею частію заклинаніями, нашептываніями знахарей (іомзей), которые пользуются за это хорошими подарками. Іомзы обыкновенно совѣтуютъ умилостивлять злыхъ, или прогнѣвавшихся предковъ различными жертвоприношеніями. Но бываетъ и такъ, что чувашенинъ самъ берется раздѣлаться съ злымъ предкомъ. Заболитъ напр. у него спина отъ долгаго сгибанія надъ непосильною работою, а онъ говоритъ: „это меня хватилъ за спину покойникъ дядя Петръ, вотъ подожди онъ, я съ нимъ раздѣлаюсь“. Избравши потомъ удобное время, больной велитъ пожарче истопить печь, бросить на угли золу и когда останутся отъ жару только небольшіе угольки, то онъ, предварительно распорядившись насчетъ запорки воротъ, насыплетъ горячей золы по всему порогу, въ видѣ вала и, отворивши дверь, говоритъ: „вотъ дядя Петръ придетъ, обожжется золою и уже больше не покажетъ своего носа къ намъ“. Конечно, умершій дядя Петръ уже больше не посѣтитъ своихъ родныхъ, за то больной самъ отправляется къ умершимъ.

Похороны у чувашъ совершаются, можно сказать, вполне по язычески, разумѣется за исключеніемъ отпѣванія въ церкви, если умершій былъ крещеный. Когда умираетъ чувашенинъ, то родные его тотъ-часъ отрываютъ у курацы голову и бросаютъ ее черезъ заборъ на улицу и при этомъ, обращаясь къ умершему, говорятъ: „вотъ какъ курица легко перелетаетъ черезъ заборъ, такъ и ты перепрыгнешь че-

резь адъ". (Чуваши представляют адъ въ видѣ бездонной ямы, въ которой вѣчно мучатся грѣшники). Потомъ еще берутъ кусокъ хлѣба, отламываютъ отъ него зѣскольکو маленькихъ кусочковъ и полагаютъ ихъ въ чашку съ водою. Черезъ нѣскольکو времени относятъ чашку съ кусочками и водою собакамъ. Чуваши вѣрятъ, что когда чашка съ кусочками хлѣба стоитъ въ избѣ, то умершій будто бы пьетъ и ѣстъ изъ нея, поэтому будто бы хлѣбъ и вода, постоявши нѣкоторое время около умершаго, теряютъ свой вкусъ. При бросаніи этого хлѣба чуваши говорятъ умершему, что онъ уже отдѣлился отъ нихъ и присоединился къ умершимъ, но не къ чужимъ, а къ своимъ. Тогда же родные просятъ умершихъ, особенно старшихъ, напр. дѣдовъ и прадѣдовъ, чтобы они приняли къ себѣ умершаго, кормили бы его и поили. Если умершій человѣкъ холостой, то родные просятъ умершихъ родныхъ, чтобы они женили его тамъ, если дѣвица, то выдали бы за мужъ, когда имъ исполнятся года. Обмываютъ умершаго не колодезною водою, а непременно рѣчною. Чуваши не знаютъ, — почему необходимо обмывать умершаго рѣчною водою, но говорятъ, что такъ было заведено изстари. За этою рѣчною водою ходятъ трое: двѣ женщины и одинъ мущина. Женщины берутъ котель съ порядочнымъ рычагомъ, несутъ его на плечахъ, а мущина въ одну руку беретъ косарь, а въ другую сковороду, или старый топоръ, или же какую нибудь жезъ, напр. печную заслонку и ударяетъ объ это косаремъ, чрезъ каждые три шага, думая, что онъ этимъ звономъ прогоняетъ нечистаго духа, живущаго въ рѣчной водѣ. Обмываютъ и одѣваютъ покойника исключительно женщины. Если покойникъ человѣкъ взрослый, то женщина, обмывающая его, обвертываетъ свои руки тряпкой, или просто надѣваетъ варежки. Тѣло взрослоаго покойника считается нечистымъ и потому прикосновеніе къ нему считается грѣхомъ. Между тѣмъ мужики, иногда еще при жизни избранные самимъ покойникомъ, дѣлаютъ гробъ, который отъ русскихъ гробовъ отличается тѣмъ, что вмѣсто нижней доски кладутъ дубъ, перевитый веревкой или стелютъ кудель; внутренность обиваютъ холстомъ. Потомъ мужики идутъ на мазарки (кладбище) рыть могилу для умершаго. Здѣсь бросаютъ всемъ умершимъ, похороненнымъ на этомъ кладбище, три куса хлѣба и просятъ, чтобы они уступили мѣсто для могилы умер-

шему и потомъ начинаютъ рыть могилу. Если они не попросятъ у умершихъ мѣста для могилы, то говорятъ, что умершіе не будутъ давать рыть могилу, отчего рытье могилы будетъ очень тяжело. Говорятъ еще, что умершіе не даютъ рыть могилу скрыпачамъ.

Обмытаго покойника одѣваютъ какъ живаго въ лучшія праздничныя одежды: на красную или вообще на лучшую рубашку надѣваютъ черный кафтанъ, подпоясываютъ кушакомъ, на ноги надѣваютъ сапоги или лапти новые, на голову надѣваютъ новую шапку, на руки перчатки,—такъ что еслибы взошелъ послѣ этого незнакомецъ и посмотрѣлъ на покойника, то онъ очень легко могъ бы поумать, что лежитъ живой человѣкъ. Всѣ узлы на покойникѣ завязываются подъ кривымъ узломъ, который у чувашъ нигдѣ больше не употребляется; онъ у нихъ такъ и называется: „мертвый узелъ“¹⁾. Подъ голову покойника кладутъ гребень и съ боку деньги, ножикъ, топоръ, кочедыкъ, трубку (если онъ курилъ табакъ), ножницы (если онъ былъ портной), но иголки не клали и не кладутъ въ гробъ, потому что будто бы тамъ проводятъ умершаго сквозь игольные уши, если положить въ гробъ иголку. Чуваши не хоронятъ умершаго въ полушубкѣ, потому что если похоронить въ полушубкѣ, то тамъ заставятъ умершаго пересчитать всю шерсть въ его полушубкѣ. Старикамъ и старухамъ, ходившимъ съ палкою, кладутъ въ гробъ палку или костыль. Дѣвицы одѣваютъ въ нѣсколько самыхъ лучшихъ рубахъ и въ башмаки. Если онѣ носили на себѣ гдѣ нибудь серебро, или деньги, то это кладется, или вѣшается на томъ самомъ мѣстѣ, напр. на лбу, на груди, на мизинцѣ, въ ушахъ²⁾.

(¹) Вообще всякое дѣйствіе во время похоронъ чуваша дѣлаютъ не въ томъ видѣ и направленіи, какъ въ обыкновенное время, а въ обратномъ. Это дѣлается для того, чтобы дѣло это вышло безуспѣшно, т. е., чтобы не пришлось повторять подобное дѣло.

(²) Въ уши, ноздри и на глаза кладутъ шелковыя нитки, свернутыя въ комочекъ. При этомъ наказываютъ покойнику, чтобы онъ, когда его на томъ свѣтѣ будутъ спрашивать—нѣтъ-ли еще идущихъ сюда за тобою, отвѣчалъ: «мои уши не слыхали, глаза мои не видали и носъ мой не обонялъ».

Вообще чуваши одѣваютъ умершихъ самымъ наилучшимъ образомъ. Они говорятъ, будто за гробомъ ходятъ въ той самой одеждѣ, въ какой полагаютъ каждаго въ гробъ.

Когда покойника вполне приготовить, тогда отправляются за священникомъ. Послѣ отпѣванія, покойника выносятъ изъ избы на лыкахъ и остановившись около двери, трижды легонько касаются какого нибудь косяка, въ знакъ прощанія покойника съ домомъ. Слѣдующіе за гробомъ тоже дѣлаютъ руками. Вынесенный гробъ кладутъ на телѣгу и покрывъ его крышкою, садятся на него двое, а третій править лошадью—холстяными возжами, если покойникъ былъ женскаго рода. Щепки, оставшіеся отъ гроба, кладутъ на телѣгу же. Предъ отъѣздомъ одна женщина втыкаетъ въ хомутъ иголку, а другая подойдя ко гробу, причитываетъ самымъ жалобнымъ и не пріятнымъ голосомъ. Это причитаніе называется издаваніемъ голоса. Она отъ лица умершаго говоритъ слѣдующее:

Сѣр сурăкне йѣп тухрѣ.

Ура тупанне тăрантă.

Ситѣ йутан сăмахѣ.

Тѣре сѣмне сипсăнтѣ и т. д.

Буквальный смыслъ этихъ стиховъ на русскомъ языкѣ представляетъ слѣдующую, почти полную безсмыслицу: „изъ трещинъ земли выдвинулась иголка и воткнулась въ пятку; слова ненавистниковъ впились въ мое сердце“. Но въ этихъ словахъ заключается такого рода сравненіе: „слова ненавистниковъ произвели въ моемъ сердцѣ такую же боль сердечную, какая бываетъ въ пяткѣ, когда нечаянно наступишь на иголку, торчащую острымъ концемъ къверху“. Когда причитанія оканчиваются, тогда телѣга трогается и, какъ только покойникъ выѣдетъ изъ двора на улицу, такъ сейчасъ одна женщина, заранѣе приготовившая раскаленный камень, бросаетъ его подъ ноги лошади. Далѣе ѣдутъ безъ особенныхъ обрядовъ. Приѣхавши на кладбище, опускаютъ покойника въ могилу головой на востокъ ¹⁾. Когда могилу засыпаютъ зем-

¹⁾ Въ могилу обязательно кладутъ мѣдную монету, чтобы выкупить у бога начальника земли мѣсто для покойника. Иначе, повѣрованію чувашъ,

лею, тогда обходятъ вокругъ могилы три раза, по движенію солнца. Во время каждаго обхода всякій беретъ горсть земли съ могилы и бросаетъ ее на могилу, говоря: „сийѣнти тѣпру сѣмѣл пултѣр“. т. е. да будетъ легкая земля, находящаяся надъ тобою. Послѣ трехъ обходовъ могилы, идутъ домой, не оглядываясь на мазарки, потому что, говорятъ, кто оглянется, у того скоро умереть въ домѣ кто нибудь. Похоронившіе (когда они обмоются) приглашаются въ домъ родныхъ умершаго, гдѣ ихъ всѣхъ угощаютъ и одѣляютъ различными подарками: холстомъ, нитками, платками, а близкихъ и знатныхъ даже рубахами; богатые раздаютъ деньги, каждому по 20—30 коп. Когда гости выходятъ изъ того дома, гдѣ были ихъ покойникъ, то ихъ никто изъ хозяевъ не провожаетъ, иначе, будто бы, у нихъ въ домѣ кто нибудь умереть очень скоро. Крестъ, или просто столбъ, ставится на могилѣ большею частію, во время 1-го поминанья, т. е. чрезъ мѣсяцъ послѣ погребенія.

О загробной жизни чуваши имѣютъ весьма смутное представленіе. По вѣрованію чувашъ покойникъ до поминокъ ходитъ домой и пугаетъ, являясь въ видѣ низкаго сѣдаго старика въ бѣлой одеждѣ, или въ видѣ высокаго человѣка въ черной одеждѣ. Больше всего покойникъ является къ тѣмъ, которыхъ онъ любилъ на землѣ, поэтому напр. умершій мужъ является къ женѣ, а умершая жена къ живому мужу. Чуваше вѣрятъ еще, что покойники причиняютъ болѣзни, если ихъ не кормятъ. Когда у кого нибудь заболитъ спина, или рука, или что нибудь другое, то говорятъ, что его ломалъ покойникъ, по любви къ нему, требуя отъ него пищи, и догадливый относитъ пищу своимъ роднымъ покойникамъ. Чуваше каждую недѣлю, въ пятницу, пекутъ для нихъ яйца, блины. Все это въ двухъ чашечкахъ подносится покойникамъ и вечеромъ выливается и выбрасывается на дворѣ, въ какой

богъ не дастъ ему мѣста. Покойникъ, которому позабыли выкупить мѣсто, вѣчно слоняется по землѣ и беспокоитъ живыхъ. Какъ только покойника опустятъ въ могилу, одинъ изъ мужчинъ спускается въ могилу и развязываетъ всѣ узлы, какіе только имѣются на одеждѣ, обуви и бѣльѣ покойника. Это дѣлается для того. Чтобы покойникъ не могъ погнаться за родственниками, когда они пойдутъ съ кладбища.

нибудь уголь, чтобы покойники ночью пришли и ѣли. Тоже дѣлають послѣ того, когда посѣщаетъ покойникъ, чтобы онъ простилъ того человѣка, который его оскорбилъ.

Разсказываютъ, что Господь не принимаетъ къ себѣ покойника до поминокъ, и будтобы отдаетъ его въ руки ангеловъ, чтобы они показали ему всѣхъ его родственниковъ, умершихъ до него. Поэтому чуваша всегда хоронятъ покойника тамъ, гдѣ были погребены его родственники.

Чуваши говорятъ, что покойники на томъ свѣтѣ ходятъ въ той самой одеждѣ, въ какой положили ихъ во гробъ, и занимаются тѣмъ же, чѣмъ занимались на землѣ, т. е. пахутъ, косятъ, за скотиною ухаживаютъ и т. п. Поэтому, если кто любилъ плести лапти, то такому покойнику кладутъ вочедыкъ.

Про опившихся или удавившихся говорятъ, что ихъ земля не принимаетъ, поэтому они вѣчно ходятъ ночью по деревьямъ и дорогамъ, пугая странниковъ. Они ходятъ будто бы только до пѣнія пѣтуховъ. Еще говорятъ, что опившіеся и удавившіеся во время дождя выходятъ изъ могилъ, останавливаютъ тучи и разгоняютъ тучи.

Надъ могилой покойника ставятъ срубъ, который чуваша называютъ избенкой покойника и думаютъ, что покойникъ живетъ въ этой избенкѣ и въ загробной жизни. Чѣмъ кончится это житіе покойника въ тѣсной избенкѣ, чуваша не знаютъ. И вообще видно, что чуваша очень заняты настоящимъ, мало обращали вниманіе на будущее и потому останавливались на самыхъ низкихъ эсхатологическихъ представленіяхъ, по которымъ будущая жизнь есть повтореніе настоящей, и потому нѣтъ непроходимой преграды между умершими и живыми, которые свято чтутъ своихъ предковъ и вообще членовъ своего рода и щедро угощаютъ отшедшихъ отъ этой жизни всѣмъ, чѣмъ богаты... Поминовенія составляютъ самую важнѣйшую часть въ чувашско-языческомъ культѣ, такъ что даже всѣ народные праздники чувашъ можно называть чествованіемъ предковъ. Можетъ быть къ чествованію предковъ можно свести и всѣ демочологическія вѣрованія чувашъ, такъ что все язычество чувашъ сведется къ почитанію предковъ и рода.

Подъ вліаніемъ христіанства у чувашъ явились нѣкоторыя сказанія объ иной загробной жизни, объ адѣ и раѣ.

По вѣрованію чувашъ симбирской губерніи, душу всякаго человѣка ожидаютъ два ангела ¹⁾ и плачутъ. Дождавшись ея выхода изъ тѣла, они отлетаютъ съ ней на небо. Ангелы встрѣчаются съ діаволомъ, и начинаютъ спорить съ нимъ о томъ, кому болѣе изъ нихъ служилъ умершій при своей жизни на землѣ. На вѣсахъ правосудія разрѣшается этотъ споръ и душа или остается во власти ангеловъ и идетъ въ рай, или же переходитъ во власть діавола, въ тѣсное подземное мѣсто. Подземная темнота служитъ вмѣстилищемъ воды; въ водѣ находится большой котель, въ которомъ душа грѣшнаго кипитъ вмѣстѣ съ другими грѣшными душами. По другому представленію, адъ имѣетъ видъ бездонной, или глубокой ямы, въ которую грѣшники попадаютъ сами. Когда человѣкъ умираетъ, тогда его, будто, бы заставляютъ перепрыгивать черезъ эту яму. Если онъ грѣшникъ, то не сможетъ перепрыгнуть, и упадетъ въ яму, гдѣ будетъ вѣчно горѣть: а кто мало грѣшенъ, тотъ перепрыгнетъ черезъ адъ и пойдетъ въ рай. Адскія мученія по вѣрованію чувашъ, будутъ не вѣчны, но какъ долго онѣ будутъ продолжаться, неизвѣстно. Когда, по прошествіи неопредѣленнаго времени, вода въ котлѣ вся выкипитъ, и мучившіяся души пристанутъ къ стѣнкамъ котла, въ подземелье спустятся ангелы, отскоблятъ души отъ стѣнокъ котла, придадутъ имъ надлежащій видъ и души въ обыкновенномъ видѣ уже будутъ жить вѣчно. Отъ кипяченія въ котлѣ, души станутъ меньше, чѣмъ онѣ были при жизни на землѣ. (Б).

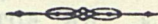
Это сказаніе о кипяченіи въ котлѣ, очевидно, уже позднѣйшаго происхожденія и потому оно далеко отъ обыкновеннаго представленія чувашами загробной жизни въ видѣ настоящей жизни, изъ которой между тѣмъ исходятъ почти

(¹) Ангела чуваша называютъ «Пирѣшти». Пирѣшти будто бы помещается внутри человѣка и, когда человѣкъ спитъ съ открытымъ ртомъ, онъ выходитъ и отправляется къ Богу. Если въ это время наложить что-либо на ротъ спящаго человѣка, то Пирѣшти не можетъ войти въ него. Все, что человѣкъ видитъ во снѣ, чуваша полагаютъ, что это видѣлъ Пирѣшти. Незадолго до смерти Пирѣшти выходитъ изъ человѣка и удаляется къ Богу, вслѣдъ за нимъ выходитъ и душа и человѣкъ умираетъ.

всѣ чувашскія жертвоприношенія и въ особенности поминки, и наконецъ вѣрованіе въ живое, въ самое непосредственное общеніе умершихъ съ живущими на землѣ.

У чувашъ есть еще вѣрованіе, что умершіе въ нѣкоторыя времена, напр. около пр. Троицы являются на землѣ и живутъ здѣсь на поляхъ, а потому мальчики, пасущіе въ это время скотъ, когда захотятъ сѣсть на пень, то сначала постукаютъ по немъ чѣмъ нибудь, чтобы отогнать умершаго, сидящаго на пнѣ (М. Н).

Оглавление.

	<i>Стран.</i>
Предисловіе	3
О богахъ домовыхъ	5
Боги животныхъ	10
О богахъ полевыхъ, лѣсныхъ.	11
Великій день.	15
Семикъ.	17
Чуэме.	21
Память Св. Николая	23
Прочіе Праздники.	25
Женитьба.	28
Болѣзни.	31
Похороны.	31
О загробной жизни.	35

Въ канцеляріи Архієпископа Никанора можно
приобрѣсти его книги.

Толковый Апостоль въ 3 кн.	ц. 8 р.	
Изображеніе Миссіи въ Псалтери	— 1 р.	50 к.
Изслѣдованіе посланія къ Евреямъ	— 2 р.	
Церковныя чтенія	— 1 р.	50 к.
Слова и рѣчи 1 вып.	— 3 р.	
„ „ „ 2 вып.	— 3 р.	
Казанскій Сборникъ	— 3 р.	
Собраніе сочиненій	— 5 р.	
О вѣрованіяхъ Черемисъ	—	25 к.
О вѣрованіяхъ Чувашъ	—	25 к.
О Коранѣ (по Саблукову)	—	25 к.
О миссіонерствѣ	—	25 к.
Казанскіе Татары П. В. Знаменскаго	—	25 к.

Выписывающимъ на 10 р. пересылка бесплатная, на
25 р. и болѣе уступается 10% и болѣе.

2007097101